

Город как объект социально-психологического исследования (вместо предисловия)

Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев

Современная урбанистика как раздел экономической географии фиксирует внимание на вопросах, связанных с архитектурными, экономическими, транспортными, социальными и другими сторонами жизнедеятельности и развития современного города. Проблема оптимизации «социальной жизни» города в рамках урбанистики стимулирует поиск специалистами взаимосвязи, взаимозависимости, взаимодействия города и его жителей. Однако узость дисциплинарных рамок для решения как теоретических, так и прикладных проблем в данном случае очевидна. Возможно по этой причине некоторые авторы склоняются к другой – междисциплинарной трактовке направления исследований города, с одной стороны, разделяя теоретические («urban studies») и прикладные («urban planning», «urban design» и т.п.) направления его изучения, с другой стороны, расширяя спектр областей научного знания, среди которых, по их мнению, должна быть не только география, но и социология, социальная психология, антропология и др. [9].

Начало проведения социально-психологических исследований городской среды обычно связывают с выходом книги Кевина Линча в 1960 г. «The Image of the City» («Образ Города») [33]. До этого периода, по мнению Стенли Милграма, социальная психология занималась малыми группами, диадами, «город же, как таковой, сохранял свой иммунитет и не подлежал социально-психологическому изучению» [16, с.26]. Тем не менее, обращаясь к истории вопроса, следует заметить, что в конце 19 - начале 20 вв. идея, точнее, *концепция* («civic survey») проведения широкого спектра *прикладных исследований города* (географических, социологических, психологических в том числе) до начала планирования городской застройки была предложена Патриком Геддесом [34 и др.], учителем другого известного специалиста по

городскому планированию, философа техники и цивилизации - Льюиса Мамфорда [35 и др.]. Геддес считал, что городское планирование — это не только и не столько планирование пространства, это, прежде всего, работа с городским сообществом [30]. Конечно, идеи социально-психологического анализа духовной жизни горожан, специфики их межличностных отношений, коммуникаций, организации эмоциональной сферы как специфичных групповых феноменов высказывались в начале века еще Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, Ч. Кули, Ф. Тённисом и др. социологами и философами. Однако именно Геддес сформулировал идею проведения научных исследований города, обосновывая это спецификой социальной жизни сообществ, которые будут жить в том или ином районе города.

Идея Геддеса успешно воплотилась в концепции наиболее известного исследователя городской среды Линча, которая воспринималась им как нечто целостное, «почти не поддающееся расчленению, со всеми разнообразными связями, ее пронизывающими» [10, с. 6]. Системный характер его концепции, которая, кстати, вполне согласуется с принципами системного подхода в психологии, разработанного в 1970-е годы Б.Ф. Ломовым [15 и др.], проявляется в трактовке города как «системного объекта, существующего в потоке времени, непрерывно изменяющегося и несущего в себе следы преемственности культуры и единства исторического процесса» [10, с.12]. Соединяя пространственное и временное измерения окружающей среды, Линч переходит от чувственного восприятия физической среды к более сложной организации образа города, который «является продуктом двустороннего процесса, связывающего наблюдателя и объект наблюдения» [14, с.112]. Вклад Линча в социальную психологию города при этом не меньше, чем в когнитивную психологию. Кроме введенных им элементов содержания образа города (пути, границы, районы, узлы, ориентиры), которые до сих пор актуальны и используются психологами- «урбанистами», независимо от дисциплинарной принадлежности, следует отметить его вклад в: трактовку образа города как группового феномена («public images»),

который «возникает в результате взаимодействия многих людей»; обоснование применения «ментальных карт»; описание функции городского ландшафта как источника информации; поиск влияния «чувствуемого ландшафта», «ощущаемой среды» на межперсональное общение в городе и т.п. Линч также отмечал общность переживаемых жителями положительных и отрицательных эмоций при восприятии предметно-пространственной среды района, города; подчеркивал зависимость психологического благополучия горожан от модальности восприятия окружающей среды; заложил основу ценностного подхода к оценке жизнедеятельности горожан и т.п. Разрабатываемая Линчем концепция исследования города практически была воплощена в его «методе», точнее программе, который базировался на способах и техниках сбора данных, которые достаточно широко применяются в современной социальной психологии (выборочное стандартизированное интервью, проективный рисунок, распознавание по фото, эксперимент, экспертные оценки и т.п.).

В настоящее время концепция Линча в изучении образа города - одна из самых популярных как среди психологов-исследователей, так и специалистов градостроения и урбанистов. Среди отечественных социальных психологов можно назвать Г.В. Акопова, Т.В. Семенову, Ю.А. Пиподня, Л.В. Давыдкину, О.В. Шемелину и О.Е. Цыганкову (Ванину), Д.Н. Сазонова и Н.В. Поддубного, Н.К. Радинову, Л.В. Шабанова и др.). Работы некоторых из них представлены и в данной книге.

Американский социальный психолог Стенли Милграм, более известный своими экспериментами по изучению влияния (подчинения), провел несколько исследований психологической жизни города [36, 37, 38, 39], три из которых заслуживают особого внимания. На первое исследование Милграма вдохновила ранее упомянутая книга Линча. Предметом изучения стали ментальные репрезентации города у жителей Нью-Йорка и Парижа. Милграм считал, что образы города не являются ненужной информацией, дополнительным «багажом» ментальной сферы; это необходимое условие

выживания в сложной и разнообразной среде города, поскольку «...люди принимают много важных решений, основанных на их представлениях о городе, а не на реальности» [38, с. 89]. Для Милграма город – явление *социальное*, а представление о нем – *коллективное*, поскольку «...ментальные карты являются не только продуктом умственной деятельности отдельных людей; они создаются также и социальными факторами и поэтому приобретают статус *коллективных представлений*, символически сочетающих верования и знания, которые культивируются и распространяются благодаря культуре» [16, с. 115]. Отдавая должное использованным методам «когнитивной картографии», сопоставлению фото и мнений, интервью и т.п., автор отмечал, что для выявления различных компонентов (когнитивный, эмоциональный, интуитивный) ментальных карт в перспективе следует использовать и экспериментальные методы. Независимо от различий в изучении образа города в работах Линча и Милграма, можно предположить, что общность их исследований была связана с пониманием авторами *активности* субъекта восприятия (горожанина или групп горожан), конструирующего «свой» образ города. Эта характеристика субъекта является внешним атрибутивным его признаком во всех вариантах субъектного подхода, развиваемого в Институте психологии РАН [24 и др.].

Серия исследований Милграма по соблюдению норм социального поведения в городе пополнила методический инструментарий социальной психологии новыми процедурами эксперимента («провоцирующая экспериментальная ситуация», «стимулирующая экспериментальная ситуация» и т.п. – названия авторов статьи). Среди данных исследований выделяются его эксперименты в метро (здесь стимулом стала жалоба тёщи Милграма на то, что ей, седовласой даме, не уступают место в метро). В первую очередь, потому, что сама ситуация социального поведения типична для жителей любого крупного города, в котором есть метро. Примером тому являются исследования соблюдения социальных норм в московском и

питерском метро, выполненные отечественными авторами [1, 5] А также потому, что полученные данные раскрывают закономерности социального взаимодействия людей в специфичных условиях «подземной жизни» городского метро. Еще одно исследование Милграма интересно тем, что он изучал ранее не описанный феномен городской жизни, который назвал «знакомые незнакомцы». Специфика коммуникаций в большом городе, локальное проживание людей в разных его районах (территориальное пространство большинства жителей любого большого города строится по маршруту «дом-работа-дом») приводит к тому, что многие люди, проживая в одном районе города, неоднократно встречаются с одними и теми же людьми, но никогда не общаются с ними. Однако, как показали исследования Милграма, тенденция не взаимодействовать со «знакомыми незнакомцами» является формой адаптации к городской «перегрузке». В настоящее время исследования Милграма продолжают его ученики (Д. Люсидо, Дж. Сабини, М. Силвер, Г. Такушьян и др.), однако в России они нашли меньшее число последователей, чем концепция Линча. Возможно, из-за сложности организации экспериментальных исследований.

Анализируя вклад классиков «городской психологии», сложно обойти вниманием работы социологов Эрнста Бёрджесса и Роберта Парка [40], а также их ученика Луиса Вирта [41], которые фиксировали внимание на изучении особенностей поведения горожан. По мнению Вирта, пространственные и социальные характеристики города (плотность, территория, гетерогенность населения) накладывают отпечаток на психологию его жителей. Так, плотность населения в городе определяет анонимность, равнодушие, бесстрастность личности горожанина [4]. Впоследствии Ф. Зимбардо экспериментально проверил гипотезу о том, что социальная анонимность и деперсонализация людей в больших городах провоцируют асоциальное поведение [по: 16]. Несмотря на недостаток психологизма в концепции Вирта, следует заметить, что косвенное обоснование *коллективного поведения* в городе как массового, не сводимого

к поведению конкретных личностей, имеют важное значение для социальной психологии города. Парк и Бёрджесс – основатели урбанистической социологии вместе с коллегами провели серию исследований, раскрывающую социальные аспекты жизни города и его жителей. Среди полученных ими результатов для социальной психологии представляют интерес данные о различиях жизнедеятельности социальных групп в разных зонах города (напомним здесь о работах Геддеса, считавшего, что архитектурное планирование района предполагает планирование социума); о новых формах проживания семьи (а, следовательно, и семейных отношений); о возможностях города для раскрытия потенциала личности горожанина и др. Со стороны развития методического инструментария, важным является применение исследователями метода включенного наблюдения для изучения жизни горожан. Поведение в городе стало предметом исследования и сторонников экологической психологии Р. Баркера, Е. Виллемса и др.

Обращаясь к российским (и советским) исследованиям, выполненным в рамках социальной психологии города, нельзя обойти вниманием тот факт, что многие идеи о различиях городской и сельской жизни, больших и малых городов, успешно развиваемые западными социологами и специалистами по планированию городской среды, впервые были описаны на рубеже 19 и 20 веков русским ученым, публицистом и видным теоретиком анархистского движения П.А. Кропоткиным [12]. Различия в жизни горожан и сельских жителей он соотносил с разделением труда (умственный и ручной), но перспективы видел в развитии цивилизации, которая могла бы уравнивать условия жизни промышленных рабочих и крестьян [там же]. Противник урбанизации, Кропоткин отстаивал идеи постепенного перехода к коттеджному строительству. Город, таким образом, должен был постепенно дезурбанизироваться, распределившись по сельскохозяйственным районам и пригородам [21].

В «советский период», в начале 1970-х гг. проблемы влияния урбанизации на психическое здоровье человека поднимались К.К.

Платоновым [19]. Позднее, с середины 1970-х гг. и, особенно, в 1980-е годы эстонские психологи Ю. Круусвалл, Т. Нийт, М. Раудсепп, М. Хейдметс, Х. Миккин, Д.Р. Михайлов и др. провели серию исследований и выпустили несколько сборников научных трудов, объединивших работы специалистов, занимающихся изучением взаимодействия окружающей среды в целом (предметно-пространственной, природной, социальной), городской в частности, и человека [13, 17, 18, 22, 23, 25, 27, 28, 29 и др.]. Следует отметить, что опубликованные работы выше упомянутых авторов и их коллег (В.И. Смотриковский, Р. Кильгас, М. Куйвитс, Э. Мюлла, К. Паадам, А.В. Степанов, К. Лийк, Я. Вальсинер, Н.Б. Шкопоров и др.) внесли существенный вклад в становление отечественной *социальной психологии города*. Так, М. Хейдмес подчеркивал, что в большом городе: общение носит анонимный и обезличенный характер; происходит потеря традиционных соседских отношений; у жителей города отсутствует чувство «своего» двора, дома, улицы, города и т.п. Он выделял зависимость типа общения (межличностное, массовое, внутригрупповое (малая группа, диада) от пространства). М. Раудсепп выделил социально-психологические последствия проживания в высотных домах: развитие пассивных видов деятельности, снижение игровой активности детей на улице, потеря культуры коммуникаций двора и т.п. Т. Нийт обращал внимание на плотность проживания людей в городе и влиянии пространственной стесненности на поведение жителей, на возможность социальной активности в городе только в случае, если среда (социальная, физическая) предлагает выбор - социальные контакты или уединение. Он отмечал различия в средовом опыте, который накапливается у живущих в районах высокоэтажной застройки и пригороде и отражается на: уровне и разнообразии стимуляции, количестве социальных контактов и объеме общения, возможности для развития специфических навыков и интересов и т.п. Предметом исследования Ю. Круусвала стала детерминация образа жизни семьи в городской среде; средовое взаимодействие поколений в

процессе социализации изучалось Д.Р. Михайловым и его коллегами Э. Мюлла и К. Паадам.

В этот же период к психологическим проблемам образа жизни в городе и селе, влиянии жилой среды на образ города, ценностного отношения к ней и т.п. обращаются российские психологи И.З. Заринская, В.Р. Пилипенко, Л.Ю. Салмин, Е.В. Сидорина и др. [26]. Так, по мнению авторов особое влияние на образ города оказывает жилище человека, различия в ментальности носителей «городской», «деревенской», «полугородской» культуры и т.п.; ими определяется категория «городское сознание» и ее пространственные характеристики; анализируется категория «персональное пространство» жителей города, а также взаимодействие психологии восприятия и социальной психологии в изучении «образа жизни» и т.п.

Восприятие города его жителями в 1980-е гг. стало предметом исследований не только отечественных психологов, но и архитекторов, географов, философов, культурологов и др. (А.В. Баранов, В.Л. Глазычев, А.В. Иконников, М.С. Каган, Г.З. Каганов и др.). Конечно, в своих работах авторы преследовали собственные цели, обусловленные их дисциплинарной принадлежностью. Однако, некоторые из полученных данных представляют интерес и для социальной психологии. В частности, Г.З. Каганов, изучая образ Петербурга и Ленинграда в работах художников XVIII-XX вв., применил метод психолого-исторической реконструкции образа города как объекта социального восприятия художников разных периодов. Сопоставив художественные образы города с обыденными представлениями горожан, автор обнаружил общие и различающиеся элементы образов [см. 8]. Подобный прием сопоставления (к примеру, образа в печатных текстах и обыденном сознании респондентов) в социальной психологии нередко используют сторонники социального конструкционизма. Сравнительный анализ визуальных образов и коллективных представлений респондентов с применением методов психосемантики, контент-анализа вербального материала, собранного на основе интервью, применялся последователями

оценочного (эмоционально-оценочного) и когнитивного направления психологии окружающей среды или «средовой» психологии (формулировки у исследователей разнятся). Данный подход в последствии получил широкое распространение благодаря работам отечественных психологов С.Э. Габидулиной, Л.В. Никольской, Х.Э. Штейнбах, И.А. Шмелевой, А.В. Яковлева и др. Причем, выпущенные в 2000-е годы монографии Штейнбах и Еленского, а также Габидулиной стали популярными в сообществе «психологов – урбанистов» [6, 7, 31, 32] наряду с книгами Дж. Голда [8] и С. Милграма [16].

В целом, если иметь в виду разработки социально-психологической проблематики, то в этот период обращают на себя внимание отечественные исследования феноменов: «соседство» (М. Раудсепп), «персонализация среды» (М. Хейдметс), «стресс перенаселенности» (Т. Нийт), а также психологические проблемы освоения нового района (Г.И. Полтораки), структура и функции двора (Д.Р. Михайлов, К. Лийк), значения центральной площади города (А.В. Степанов), особо опасных его мест города (Е.В. Сауткина и др.) и т.п.

Следует заметить, что, исключая работы выше названных эстонских психологов, исследования других отечественных психологов, социологов, архитекторов, выполненные в «советский» период в рамках психологии окружающей среды, нельзя назвать собственно социально-психологическими. Однако разработанные разными авторами шкалы для оценки городской среды, дворов, районов; комплексные программы исследований, включающие интервью, пиктограммы, рисунки, фото и видео материалы, анкеты, эксперименты и т.п.; полученные ими данные о межгрупповых различиях в представлениях и образах города в социальных (в зависимости от территории, времени, места проживания в городе и т.п.), профессиональных (архитекторы и просто жители), этнических, экономических, возрастных и других группах, нашли свое развитие в социально-психологических исследованиях города, которые с середины

1990-х гг., и особенно в 2000-е гг. стали активно проводиться в разных регионах нашей страны [20 и др.]. Подтверждением этому факту являются защиты диссертационных работ по специальности «социальная психология», объектом исследования которых стала взаимосвязь предметно-пространственной среды города и социально-психологических характеристик его жителей (С.А. Башкова, А.А. Балакина, О.А. Браун, Т.В. Семенова (Иванова), Ю.А. Пиподня, Л.В. Давыдкина, Д.Н. Сазонов, И.С. Самошкина и др.). Предметом исследований данных авторов явились следующие феномены: «городская ментальность» как групповое сознание жителей города; репрезентации городской пространственно-предметной среды в группах жителей, различающихся по времени их проживания в городе (приезжие и коренные жители), места жительства (центр и периферия города), рода деятельности (студенты и учителя); различия в территориальной идентичности жителей больших городов и их пригородов; образ города в групповом сознании представителей различных социальных групп (пенсионеры, рабочие, военнослужащие, предприниматели, служащие (с высшим и средним образованием), безработные); «психологические районы» как компоненты группового образа города в сознании представителей профессиональных (архитекторы) и непрофессиональных групп его жителей; модальность отношений к другим людям и к своему городу у жителей, различающихся по месту жительства (большой или малый город), территориально-пространственно-временным параметрам проживания в нем (место рождения, длительность проживания, наличие переезда) и т.п.; образ будущего в структуре пространственно-временных представлений о родном городе у старшеклассников из большого и малого городов.

Как можно заметить, основной акцент в вышеуказанных исследованиях ставился на различиях в содержании, структуре, факторах и механизмах ментальных репрезентаций города в обыденном сознании представителей разных социальных групп, проживающих в нем. Программы эмпирических

исследований вышеупомянутых авторов включали: ментальные, когнитивные карты города, разные виды опросов и формы наблюдения, шкалирование, психосемантические методы анализа, мини-сочинения, ассоциативные тесты, экспериментальные ситуации и т.п. Многие из них успешно сочетали в своих работах методы исследования ментальных карт, разработанные Линчем (изучение разных компонентов образа) в сочетании с психосемантическим анализом эмоционального компонента образа города.

Самостоятельный блок исследований образуют работы, выполненные в Томском госуниверситете под руководством С.А. Богомаза [2, 3 и др.]. Предметом серии исследований стала оценка городской среды молодежью Томска, Барнаула, Иркутска, Куйбышева и др. с точки зрения предоставляемых ими возможностей для реализации базовых ценностей.

В целом, следует отметить основные, сложившиеся к настоящему времени, направления социально-психологического исследования города. Первое направление объединяет исследования, связанные с изучением *восприятия города*, его предметно-пространственной, пространственно-временной, социальной среды. Это различные виды репрезентаций города (ментальные карты, образы, представления) в групповом сознании жителей, различающихся по социальному и образовательному статусу (уровень образования; профессионалы/непрофессионалы), времени и району проживания (центр/периферия, коренные/приезжие), роду деятельности, (студенты, рабочие, служащие и т.п.), месту проживания (большой / малый город; город/село; российский /нероссийский город и т.п.), городской идентичности. Другой ракурс данного направления исследований связан с изучением разных образов города («лучший / худший», «реальный/идеальный», «свой/ чужой») в обыденном сознании большой социальной группы – горожан. В качестве факторов, обуславливающих данные образы, выступают как личностные (установки, ценностные ориентации, отношение и т.п.), так и групповые характеристики (сплоченность, групповая идентичность и т.п.).

Второе направление включает немногочисленные работы, в которых *образ города сам выступает фактором* социальной идентичности жителей (городской, территориальной, экономической, политической и др.), соблюдения ими социальных норм поведения, реализации базовых ценностей, психологического и др. видов благополучия. Каждое из двух заявленных направлений может быть дифференцировано на подходы, в зависимости от базовых теоретических оснований (когнитивный, психосемантический, ценностный, системный, субъектный, поведенческий, социально-экологический, клинический, социально-экономический и т.п.).

Настоящая книга объединяет теоретико-эмпирические исследования разных специалистов (психологов, журналистов, архитекторов), чьи интересы сфокусированы на социально-психологической проблематике в изучении города. Поэтому по своему содержанию данный труд является междисциплинарным.

В первый раздел «Социально-психологические аспекты восприятия города личностью и группой» были включены исследования, предметом которых являются репрезентации города в представлениях жителей. Здесь объединились работы, базирующиеся на разных теоретических основаниях: концепции социальных представлений С. Московиси, развиваемых С. Милграмом; когнитивном подходе к изучению городской среды К. Линча; психосемантическом подходе Ч. Осгуда, развиваемом в направлении изучения феноменов социального познания В.Ф. Петренко и др.; взглядах А.Н.Леонтьева на образ мира как интегральную индивидуальную систему значений; концептуальном подходе В.П. Серкина в исследовании образа мира и образа жизни субъекта как единой системы, в которой оба полюса взаимно детерминируют друг друга и детерминируются друг другом. Ключевым обобщающим элементом исследований Н.В. Долговой, Е.Е. Прониной и Н.С. Гончаровой, Н.К. Радиной, О.С. Шемелиной и О.Е. Цыганковой явился образ города («идеальный город», «худший город», «реальный город», «город-мечта», «город Москва», «провинциальный

город», «зарубежный город» и т.п.) в обыденном сознании жителей – представителей разных социальных групп, выделенных по критериям: территория проживания, род деятельности и т.д. Если первые авторы методологически построили исследования в рамках оценочного подхода с использованием метода семантического дифференциала, то последний из перечисленных авторов опирался в большей степени на взгляды С. Милграма (который вслед за С. Московиси определял репрезентации города как «социальные представления»), а также Р. Фельдмана, который выявил различия в установках «свой-чужой» при восприятии горожанами партнеров по общению (соотечественники или иностранцы). В своем исследовании Н.К. Радина обнаружила связь между направленностью горожанина (нижегородца) на партнера по общению («свой», «чужой», «другой»), которая определяется психологической дистанцией, и конструированием им образа своего города.

В работе Е.Е. Прониной и Н.С. Гончаровой была выявлена зависимость между оценками города (г. Москва), в котором живут респонденты, и их предпочтениями наружной рекламы, являющейся элементом предметно-пространственной среды этого города, частью его имиджа. Долгова Н.В., изучая факторные структуры образов «худший город», «город Москва», «лучший город» в представлениях жителей столицы, обнаружила, что их объединяет оценка города с точки зрения присутствия в его жизни элементов «везения» (в трактовке автора позитивно воспринимаемое событие, возникшее в результате случайного, непредсказуемого или не учитываемого стечения обстоятельств).

Сложная программа исследования, интегрирующая элементы когнитивного и оценочного подходов, отличает работу О.С. Шемелиной и О.Е. Цыганковой. Так, авторы обнаружили, что образы «города-мечты» в представлениях жителей малых (г. Бердск, г. Искитим, п. Колывань, п. Линево) и крупного (г. Новосибирск) городов мало отличаются по своему содержанию. С одной стороны, считают авторы, такой вывод приближает их

к пониманию стремления жителей крупных городов перебираться в пригороды или сельскую местность. С другой стороны, объясняет мотивацию миграции жителей малых городов в крупный – не за «тихой» жизнью стремятся они, а за теми возможностями самореализации, которые предоставляет крупный город своим жителям.

Второй раздел «Ценностно-психологическая регуляция адаптации молодежи к городу» объединил серию оригинальных исследований, выполненных С.А. Богомазом и С.А. Литвиной, Т.П. Емельяновой, Е.А. Кукуевым, А.В. Капцовым. Так же, как и авторы статей, представленных в первом разделе, исследователи опираются на разные теоретико-методологические основания: концепцию социальных представлений С. Московиси и ее применение в работах С. Милграма; взгляды А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна на самодетерминацию; системный подход Б.Ф. Ломова и системные представления В.П. Серкина.

Значимость исследования, выполненного С.А. Литвиной и С.А. Богомазом, заключается не только в разработке авторской методики, позволяющей оценить возможности города с позиции реализуемости базовых ценностей в группах студенческой молодежи городов Барнаула, Иркутска, Кемерово, Лесосибирска, Куйбышева, Петропавловска-Камчатского, Томска, но и в тех полученных ими эмпирических данных, которые наполняют новым содержанием заявленное авторами научное направление - «психологию возможностей». По их мнению, на основании оценки степени реализуемости базовых ценностей человека можно измерять уровень развивающего потенциала города, характеризовать своеобразие его социокультурной среды.

Исследование Т.П. Емельяновой, изучавшей связь социальных представлений московской молодежи о качестве жизни в мегаполисе и уровня их психологического благополучия, продолжает данную тему. Так, обнаружено, что картина психологического благополучия работающей и учащейся молодежи мегаполиса вполне благоприятна. Однако выделенные

эмпирическим путем типы респондентов позволяют говорить о существовании неоднородности восприятия города молодежью, связанной как с акцентами в репрезентации мегаполиса (возможностями потребления, карьеры, обустройством жизни и т.д.), так и с уровнем и видами психологического благополучия.

Е.А. Кукуев изучал различия в реализуемости ценностей субъектов образовательной деятельности (студенты, школьники, учителя, преподаватели вузов), проживающих в разных условиях (село и малый город) на территории Тюменской области. Применяя методику Богомаза, автор обнаружил, что «селяне» более высоко оценивают свою среду, чем «горожане», в то время как городские жители продемонстрировали большую осторожность при оценке реализации ценностей. По мнению автора, «открытость» среды города выше оценивает тот человек, который активно взаимодействует с ней, т.е. проявляет свои субъектные качества. Для молодых людей, проживающих в малом российском городе (г. Ишим), характерна система ценностей, не линейно связанных между собой: близость к семье в настоящем - позитивное устремление в профессиональное будущее во взаимосвязи с личностным становлением.

Объектом масштабного исследования А.В. Капцова также стали субъекты образовательного процесса: 925 студентов, проживающих в городах Поволжского ФО (Самарская, Саратовская, Пензенская, Ульяновская области и Республика Мордовия) и 4333 учащихся пятых классов школ различных населенных пунктов Самарской области, включая районные центры и села. Большой объем полученных данных включал результаты, свидетельствующие о преобладании у студенток-первокурсниц из сельской местности ценности семьи, что отличало их от «горожанок». Однако, адаптация к городской среде в группе «сельских» жительниц проходила за счет снижения значимости именно данной ценности. Также автором было установлено, что процент школьников- подростков, у которых сформированы ценности образования и внеучебной деятельности, выше

среди сельских, чем городских, жителей. Все вышеизложенное указывает на тенденцию к сохранению традиционных для россиян ценностей именно в сельской местности.

Третий раздел «Город как фактор формирования сознания и поведения личности и группы» включает исследования Л.С. Акопян, А.И. Белкина, Е.В. Бакшутовой и Т.В. Дробышевой. На первый взгляд, данные исследований, выполненных в рамках предметного поля не только социальной, но и социально-экономической, клинической психологии не согласуются между собой. Однако объединение по «внутреннему» контуру, присущее первым двум разделам книги, в данном разделе меняется на «внешний» контур, хотя объединение при этом сохраняется. В его роли выступает социальная, предметно-пространственная среда города, влияющая на групповое сознание жителей разных городов; экономическое сознание маленьких жителей столицы, проживающих в разных районах мегаполиса; переживание детьми страхов в селе и городе; конструирование представлений о народе взрослыми жителями сельской и городской местности.

Так, в исследовании А.И. Белкина обнаружены различие и сходство в предпочитаемых темах «граффити» у представителей данной субкультуры, проживающих в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Казани и Инзе. По мнению автора, граффити представляют собой способ конструирования персональной и социальной идентичности носителей этой субкультуры. Общность тематик, предпочитаемых всеми молодыми людьми (не зависимо от города их проживания, т.е. в столичном, крупном или малом городе), связана с распространением информационной культуры граффити и выражена в доминировании темы «Я» в контексте самопрезентации. Выявленные различия в темах «граффити» проявляются в устойчивости традиционных для «смеховой» культуры граффити тем, которые в большей степени предпочитают авторы граффити из малого города, чем столичного или крупного.

В статье Т.В. Дробышевой ставится вопрос о том, могут ли условия проживания детей в столичном мегаполисе выступать фактором их экономической социализации. На взгляд автора, условия проживания включают не только территориальные (район проживания: «ветхое жилье», «стандартный жилой фонд», «элитное жилье»), но и социальные, социально-демографические и другие характеристики семей дошкольников, принимавших участие в исследовании. Предметом исследования стали различия в экономических представлениях детей о бедном и богатом человеке. Обнаружено, что они зависят от личного опыта взаимодействия детей с бедными и богатыми людьми, восприятия ими предметно-пространственной среды района проживания в мегаполисе, а также содержания экономического воспитания в семье.

Исследования и Л.С. Акоповой и Е.В. Бакшутовой построены на анализе территориального фактора. По данным авторов, различия в условиях проживания городского и сельского населения обуславливают конструирование взрослыми людьми представлений о народе и особенности переживания детьми страхов.

В исследовании Л.С. Акоповой территориальный фактор стал дифференцирующим критерием переживания страхов городскими и сельскими детьми разного пола. Выявлена территориально-гендерная асимметрия проявления страхов у сельских детей. Так, уровень выраженности страхов у сельских девочек выше, чем у их сверстниц, проживающих в городе, а у мальчиков, наоборот, ниже, чем у городских. У сельских детей страх вызывают большие пространства площадей, улиц; у городских же школьников преобладают социальные (нападения, террористические акты, боязнь выходить вечером на улицы, гулять в парке одному и т.д.) и техногенные страхи (аварии, разрушения и т.д.).

Е.В. Бакшутовой обнаружено, что сельские жители в отличие от городских характеризуются более высоким уровнем альтруизма, который связан с позитивной модальностью их оценки понятия «народ». Горожане

склонны считать, что «народ должен служить интеллигенции», в представлениях же селян «интеллигенция должна служить народу», а «власть должна принадлежать народу». Автор считает, что в нашем обществе в целом (не зависимо от территории проживания) приоритет имеют традиционные, а не либеральные ценности, что отражается на представлениях населения о народе. По ее мнению, данный факт определяет скорее инерцию восприятия происходящего, чем его рефлексию, а в последствии может привести к регрессу общественного сознания.

В заключение следует отметить, что проведенный анализ психологических исследований, в которых категория «город» рассматривается в социально--психологическом контексте, позволило выявить перспективные направления в становлении современной социальной психологии города. Прежде всего, это междисциплинарные исследования, в которых предметно-пространственная, социальная, природная среда города выступает фактором (условием) становления субъектных качеств личности (группы), проявляющихся в активности человека (группы), взаимодействующего с городом. Здесь наиболее важным видится изучение социальных групп горожан как коллективного субъекта с разными формами группового сознания и поведения. Кроме того, перспективным является продолжение исследований, в которых город предоставляет жителям потенциальные возможности для: реализации базовых ценностей; становления личности; обретения социальной и персональной идентичности; психологического и др. видов благополучия личности и т.п. Исследования феноменов («знакомые чужие», «очередь», «соседство» и т.п.), порождаемых спецификой коммуникаций в городе, могут сформировать самостоятельный раздел социальной психологии города.

Литература:

1. *Аль-Батал Т.М.* Проблема соблюдения социальных норм: эксперименты в Московском и Санкт-Петербургском метро (по Милгрэму и

Сабини) // Практическая психология образования 21 века: проблемы и перспективы. Сборник науч. ст. и материалов 8-й научно-практической конференции /Под общ. ред. И.М. Ильичевой, Р.В. Ершовой. Коломна: КГПИ, 2009. С. 218-226.

2. Богомаз С.А., Литвина С.А., Четошникова Е.В. Субъективная оценка городской среды вузовской молодежью Томска и Барнаула // Сибирский психологический журнал 2013 № 49. С. 102-111.

3. Богомаз С.А., Козлова Н.В., Мацута В.В. Оценка городской среды в личностно-профессиональном становлении вузовской молодежи // Акмеология. 2014 № 1/2. С. 40-41.

4. Вирт Л. Избранные работы по социологии: Сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационные исследования. Отдел социологии и социальной психологии. Пер. англ. Николаев В.Г./ Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН, 2005. 244 с.

5. Воронов А.Я., Аль-Батал Т.М. Соблюдение неформальных социальных норм: полевые эксперименты в метро // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 781-786.

6. Габидулина С.Э. Психосемантика городской среды (объективные и субъективные факторы отношения горожан к элементам городского ландшафта): Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1991. 19 с.

7. Габидулина С.Э. Психология городской среды. М.: Смысл, 2012. 152 с.

8. Голд Дж. Психология и география: основы поведенческой географии: пер. с англ. / Предисл. С.В. Федулов. М.: Прогресс, 1990. 304 с.

9. Иванов П. Урбанистика: трудности перевода. <http://urbanurban.ru/blog/reflection/196/Urbanistika-trudnosti-perevoda>

10. Иконников А.В. В поисках путей к «очеловеченному» окружению // Образ города / К. Линч. М.: Стройиздат, 1982. С. 5-14.

11. *Каганов Г.З.* Пространственные образы городской среды // Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет. Вып. 40. Л., 1983. С. 7-22.
12. *Кропоткин П.А.* Поля, фабрики и мастерские: промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным. Пер с англ. Изд.-е 5-е дополн. / Пер. и ред. А.Н. Коншина. М.: ЛЕНАНД, 2014. 288с.
13. *Круусвалл Ю., Хейдметс М., Нийт Т.* Социально-психологические исследования жилой среды // Социологические исследования проблем города и жилища. Новосибирск: Наука, 1986. С. 164–170.
14. *Линч К.* Образ города. пер. с англ. В. Глазычева / Под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
15. *Ломов Б.Ф.* Психическая регуляция деятельности: избранные труды. Серия: Выдающиеся ученые ИП РАН. М.: Изд-во: «Институт психологии РАН», 2006. 624 с.
16. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001. 338 с.
17. *Михайлов Д., Паадам К., Мюлла Э.* Средовое взаимодействие поколений в процессе социализации (к исследованию детоцентризма городских семей) // Воспроизводственные процессы города / Под ред. М. Павельсон, К. Катуса. Таллин: Валгус, 1986. С. 40-49.
18. *Нийт Т.* Плотность людей и чувство стесненности: теории и гипотезы // Человек в социальной и физической среде. Таллинн: Изд-во пед.ин-та им.Э.Вильде, 1983. С. 99-142.
19. *Платонов К.К.* Урбанизация, технизация и психика человека // Общество и здоровье человека. М.: Медицина, 1973, с. 242—253.
20. Психология и окружающая среда. Сб. научных трудов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. 200 с.
21. *Рублев Д.* Решение экологических проблем в анархистских моделях общественного устройства. Livejournal, 14 сентября 2008 г.: <http://www.livejournal.com/magazine/>

22. Социально-психологические основы среднего образования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. Таллин: Эстонское отделение Общества психологов СССР, 1985. 301 с.

23. Средовые условия развития социальных общностей / Под ред. Т. Нийта, М. Раудсеппа, М. Хейдметса. Таллинн: Таллиннский педагог. ин-т им. Э. Вильде, 1989. 172 с

24. Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Е. А. Сергиенко. Серия: Интеграция академической и университетской психологии. М.: Изд-во: «Институт психологии РАН», 2009. 624 с.

25. *Хейдметс М.Э.* Социально-психологические факторы формирования пространственной структуры жилой среды: Автореф. дис. ...канд. психол. н. М., 1989. 18 с.

26. Ценности, образ жизни и жилища среда. Сб. ст. /Под ред. И.В. Дубровиной. М.: ВНИИТЭ, 1987. -120 с.

27. Человек. Среда. Пространство. Исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды. Тарту: ТГУ, 1979.

28. Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. Таллин: Эстонское отделение Общества психологов, 1981.

29. Человек, общение и жилища среда / Под ред. Ю.Орна и Т. Нийта. Таллин: Изд-во пед.ин-та им.Э.Вильде, 1986.

30. *Чиж О., Новиков А.* «Город от ума. Патрик Геддес— создатель генпланов Тель-Авива, Иерусалима и Бомбея». Радио «Эхо Москвы». Выпуск от 26 сентября 2014 г. // http://echo.msk.ru/programs/gorod_ot_uma/1406172-echo/

31. *Штейнбах Х.Э.* Восприятие и оценка городской среды: Автореф. дис. ... канд. психол. н. Л., 1987.

32. *Штейнбах Х.Э., Еленский В.И.* Психология жизненного пространства. СПб.: Речь. 2004. 239 с.

33. *Lynch K.* The Image of the City. Cambridge: M.I.T. and Harvard University Press, 1960.

34. *Geddes P.* City Development: A Study of Parks, Gardens and Culture-Institutes: A Report to the Carnegie Dunfermline Trust. (Geddes and Company, Outlook Tower, Edinburgh), Bournville, Birmingham: Saint George Press. 1904.

35. *Mumford L.* The Story of Utopias. NY.: Boni and Liveright, 1922. 325 p.

36. *Milgram St.* The experience of living in cities: a psychological analysis // *Psychology and Problems of Society* / Eds. F.F.Korten, S.W. Cook, J.I. Lacey, Washington, D.C.: American Psychological Association. 1970.

37. *Milgram St.* The City and the Self. Time-Life Films: Time-Life Building, Rockefeller Center, New York, 1974. <http://imaginesciencefilms.org/stanley-milgram-the-city-and-the-self/>

38. *Milgram St.* The Individual in a Social World: Essays and Experiments. Reading, MA: Addison-Wesley, 1977. C.89.

39. *Milgram St.* Cities as social representation // *Social representations* / Ed. by R.M. Farr & S.Moscovici. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P.289-309.

40. *Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R.D.* The city. Chicago: University of Chicago Press, 1925.

41. *Wirth L.* Urbanism as a way of life // *American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44. P. 1-24.